ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[12] 2012

ВУДХАУЗ, ОРУЭЛЛ, СТОППАРД *ET CETERA*

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рубрика «Из будущей книги». Мария Карп «Джордж Оруэлл». Фрагмент биографии, где рассказывается об участии писателя в испанской гражданской войне — отрезвляющий опыт, без которого не было бы ни повести «Скотный двор», ни всемирно известной антиутопии «1984».

- Мария Карп. Оруэлл в Испании
  - «После Испании я знал, что мне делать…»
  - Барселонские перемены
  - Возвращение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

Мария Карп. Оруэлл в Испании

«После Испании я знал, что мне делать…»

Летом 1936 года в Испании началась гражданская война. На выборах 1936 года победил Народный фронт — объединение левых партий разного толка, а через пять месяцев правые, под руководством генерала Франко, подняли мятеж и республиканскому правительству пришлось обороняться. Фашистов поддержали монархисты и сильное в Испании католическое духовенство, а правительство — анархисты, социалисты и немногочисленные тогда коммунисты. События в Испании всколыхнули весь мир. Год спустя Оруэлл писал «Когда 18 июля разгорелись бои, в Европе, наверное, не было антифашиста, в чьем сердце не затрепетала бы надежда. Казалось, что наконец-то демократия попытается противостоять фашизму»[1]. Тысячи европейцев и американцев ринулись в Испанию добровольцами. Оруэллу, заканчивавшему работу над книгой «Дорога на Уиган-Пир», удалось это сделать только в декабре.

Тогда считалось, что ехать воевать в Испанию можно, лишь заручившись поддержкой какой-нибудь левой партии, и поскольку генеральный секретарь Британской компартии Гарри Поллит Оруэллу в такой поддержке отказал, тот попросил рекомендации у руководителей Независимой лейбористской партии. НЛП была связана в Испании с тамошней Рабочей партией марксистского единства (Partido Obrero de Unificación Marxista) — ПОУМ. Эта партия возникла незадолго перед тем, в 1935 году, в результате объединения Рабоче-крестьянского блока сторонников Бухарина с Коммунистической левой партией Испании. ПОУМ, так же как и британская НЛП, резко осуждала сталинские показательные процессы. Возглавлял ее Андрес Нин, который девять лет (с 1921-го по 1930-й) прожил в Советском Союзе. Вернувшись в Испанию, он пытался объединить антисталински настроенных коммунистов, был связан с Троцким, однако вскоре порвал с ним, объединившись со сторонниками Бухарина — так и образовалась ПОУМ.

В ходе революции, в сентябре 1936 года, в автономной Каталонии сформировалось новое правительство (Генералидад). Осуществившие революцию и практически с июля правящие в Каталонии анархисты решили пойти на компромисс с правительством, находившимся у власти с февраля. Таким образом в новом правительстве объединились: Левая республиканская партия (ее лидер, Луис Компанис, был бессменным главой Генералидада), две организации анархистов:

Национальная конфедерация трудящихся (CHT) и Иберийская федерация анархистов (ИФА), а также другие партии Народного фронта, в частности, коммунисты, представленные двумя враждующими партиями — антисталинской ПОУМ, поддерживавшей анархистов, и просталинской ПСУК (Partit Socialista Unificat de Catalunya — Объединенная социалистическая партия Каталонии).

В это время, в конце сентября, характер войны в Испании стал радикально меняться — из гражданской война превратилась, по выражению крупнейшего британского историка Энтони Бивора, в «мировую войну по доверенности»[2]. Невзирая на заключенный в августе 1936 года «пакт о невмешательстве», в Испанию начало поступать оружие из-за границы: франкистам его посылали Гитлер и Муссолини, республиканцам — Сталин.

Поначалу отнесшийся к гражданской войне равнодушно, Сталин к сентябрю сообразил, как обратить испанский конфликт себе на пользу и приобрести при этом внутреннюю и международную поддержку[3]. Главной задачей Сталина было превратить Испанию в свой плацдарм, а для этого добиться усиления Испанской компартии в правительстве Испании настолько, чтобы республика послушно выполняла волю Москвы[4]. При этом он хотел и выглядеть антифашистом в глазах мира, и свести счеты с собственными политическими противниками, и не напугать западные демократии — Францию и Великобританию, которые сохраняли нейтралитет.

СССР был единственным поставщиком оружия республиканскому правительству, и потому оно вынуждено было с ним считаться, а часто и просто подчиняться ему. Советскому послу Розенбергу благодаря симпатизировавшим ему членам правительства удалось стать чем-то вроде заместителя премьер-министра и принимать участие в заседаниях Совета министров[5]. В стране постоянно находилось 700–800 военных советников из Советского Союза (в общей сложности в Испанию их было направлено 2044) и большое количество сотрудников спецслужб[6].

Однако для полного успеха Сталину необходимо было убрать с пути своих противников. Анархисты ускользали от влияния коммунистов, но главное — Сталину активно противостояла ПОУМ. Еще до революции, в феврале 1936 года, всего через пять дней после победы Народного фронта на выборах, секретариат Коминтерна отдал распоряжение компартии Испании повести «энергичную борьбу против контрреволюционной троцкистской секты»[7]. Троцкистской сектой называли ПОУМ, нимало не смущаясь тем, что Троцкий решительно осуждал политику своего

бывшего сторонника Андреса Нина и не желал иметь с возглавляемой им партией никакого дела.

16 декабря 1936 года «Правда», может быть, несколько преждевременно сообщила, что «в Каталонии началось уничтожение троцкистов и анархо-синдикалистов: их будут истреблять до победного конца с той же энергией, с какой их истребляли в СССР»[8]. В тот же день под давлением коммунистов из Каталонского правительства исключили Нина.

Оруэлл, приехавший в Испанию через девять дней после исключения Нина, ничего этого не знал. Более того, он не имел никакого понятия о различиях между испанскими левыми партиями, и многочисленные аббревиатуры вызывали у него только раздражение. Но его покорила революционная атмосфера, царившая в декабре в Барселоне. За восхитительное чувство всеобщего равенства, которое он испытал там в первые дни, стоило сражаться, ради него стоило терпеть тяготы фронта. Тяготы, надо сказать, практически не сопровождались реальными боями — на Каталонском фронте не было современного оружия. Оружие, присылаемое из СССР, направлялось в Мадрид — посылать его в автономную Каталонию, где влияние коммунистов тогда было еще незначительным, Сталин боялся.

«Бить фашистов», о чем мечтал Оруэлл, в таких условиях было невозможно. Раздосадованный медлительностью ПОУМ и разделявший в тот момент точку зрения коммунистов «сначала война, потом революция», Оруэлл готов был перевестись в коммунистические Интербригады и сражаться на Мадридском фронте. Однако для того чтобы это осуществить, надо было с фронта вернуться в Барселону, а отпуск все откладывался и откладывался, не в последнюю очередь, очевидно, именно потому, что Джон Макнэр, руководивший отрядом британцев, посланным Независимой лейбористской партией, опасался, что, если Оруэлл перейдет в Интербригаду, за ним последуют и другие, а это могло бы нанести немалый урон престижу НЛП[9]. Хотя в ополчение Оруэлл записался под своим настоящим именем — Эрик Блэр, — его товарищи знали, что рядом с ними воюет писатель Джордж Оруэлл, и гордились этим. Долгожданный отпуск был разрешен только в конце апреля.

Две главы из биографии, публикуемые ниже, рассказывают о том, как в сознании Оруэлла произошел перелом, определивший его дальнейшую политическую и литературную позицию.

Барселонские перемены

В Барселоне и Оруэлл, и его товарищи сразу поняли, что происходит что-то не то. Революционная атмосфера конца декабря улетучилась. Это был обыкновенный город, слегка потрепанный войной, к которой гражданское население почти не проявляло интереса. Но, главное, исчезли все признаки равенства людей, столь пленившие Оруэлла в его первый приезд. Снова, как до революции, нарядно одетые богачи ели в дорогих ресторанах, а бедняки стояли в нескончаемых очередях за хлебом, снова появились нищие. Почти исчезли революционные формы обращения: «ты» и «товарищ», вернулись «вы» и «сеньор». Снова всюду давали чаевые, а продавцы в центральных магазинах обращались к покупателям с угодливостью, невиданной даже в Англии.

Но это еще было не самое страшное:

> За внешним обличьем города со всей его роскошью и растущей нищетой, за кажущейся оживленностью улиц с цветочными лотками, разноцветными флагами, агитационными плакатами и напирающими толпами безошибочно угадывалось страшное политическое соперничество и ненависть[10].

Борьба коммунистов с анархистами и ПОУМ вступала в завершающую стадию. Уже в марте Каталонское правительство издало указ о роспуске военных патрулей, контролируемых анархистами, и создало правительственные внутренние войска, подчинявшиеся министру безопасности, — по сути, жандармерию. 16 апреля министром юстиции стал коммунист Хуан Коморера, глава промосковской партии ПСУК. В конце апреля произошел ряд политических убийств лидеров разных партий. Всякий раз массовые похороны превращались в мощные уличные протесты. В этой обстановке Генералидад, с согласия анархистов, счел разумным отменить первомайские демонстрации во избежание кровопролития. «Революционная» Барселона, изумлялся Оруэлл, была, быть может, единственным городом во всей нефашистской Европе, где не отмечали Первомай. Однако кровопролитие началось через два дня.

* * *

Днем 3 мая 1937 года правительственные внутренние войска попытались захватить Барселонскую телефонную станцию, которая с июля 1936 года находилась под контролем анархистов, зачастую прослушивавших правительственные разговоры. Попытка не удалась — жандармов встретил град пуль. В накаленной атмосфере города это немедленно привело к перестрелке и в других районах, а также к строительству баррикад, для чего горожане, наученные опытом предыдущего года, вытаскивали булыжники из мостовой. Поскольку было ясно, что жандармы попытаются захватить и здания, с начала революции принадлежавшие ПОУМ, Оруэлл и другие его товарищи — отпускники с фронта, бросились туда.

Обнаружив, что около трех десятков жандармов забаррикадировались в кафе под названием «Мока», рядом со зданием Исполкома ПОУМ, с явной целью его захватить, командир Оруэлла, Копп[11], демонстративно вытащил свой револьвер и положил его на землю. Два сопровождавших его испанских офицера из ополчения сделали то же самое. Безоружные, они пошли навстречу жандармам. «Я бы за двадцать фунтов этого не сделал», — отмечал Оруэлл, восхищенный мужеством и самообладанием Коппа. Коппу удалось договориться с жандармами, что те не станут стрелять первыми — такое же обязательство взяли на себя и поумовцы. Но все же решено было отправить небольшой отряд на крышу кинотеатра «Полиорама», расположенного напротив здания ПОУМ, чтобы в случае чего отразить нападение. На этой крыше Оруэлл и провел следующие трое суток.

> Я был вне опасности и ничего, кроме голода и скуки, меня не мучило, однако это был один из самых невыносимых эпизодов моей жизни. Мало что может сравниться по мерзости, ощущению отчаяния и, наконец, просто по нервотрепке с этими ужасными днями уличных боев[12].

В барселонских боях погибло 400 (по другим данным 500) человек, более тысячи были ранены. 7 мая правительственные войска получили подкрепление в 5 тысяч человек, присланных в Барселону специально для наведения порядка. Стрельба стихла, баррикады стали разбирать, однако главным политическим результатом нескольких дней боев стало укрепление промосковских коммунистов и поражение их противников.

В Барселону, якобы для расследования беспорядков, были посланы офицеры НКВД, действовавшие в Испании под руководством Александра Орлова[13]. Их отчет был составлен в

лучших советских традициях:

> Расследуя мятеж в Каталонии, органы государственной безопасности обнаружили крупную организацию, занимающуюся шпионажем. В этой организации троцкисты тесно сотрудничали с фашистской организацией «Фаланга Эспаньола». Сеть имела свои ячейки в штабе армии, в военном министерстве, в Национальной республиканской гвардии и т. п. Используя секретные радиопередатчики, эта организация передавала врагу сведения о планируемых операциях республиканской армии, о передвижении войск, о дислокации батарей и направляла воздушные удары, используя световые сигналы[14].

Дальше следовали подробности об обнаруженном у одного из захваченных шпионов плане Мадрида, на обороте которого невидимыми чернилами, да к тому же шифром, было написано письмо, адресованное генералу Франко. В расшифрованном виде текст письма якобы выглядел так: «Ваш приказ о просачивании наших людей в ряды экстремистов и ПОУМа исполняется с успехом. Выполняя Ваш приказ, я был в Барселоне, чтобы увидеться с Н. — руководителем ПОУМа. Я ему сообщил все Ваши указания. Он обещал мне послать в Мадрид новых людей, чтобы активизировать работу ПОУМа. Благодаря этим мерам ПОУМ станет в Мадриде, так же как и в Барселоне, реальной опорой нашего движения»[15].

Под Н. в тексте письма, естественно, имелся в виду Андрес Нин. В начале 90-х доживший до наших дней один из сотрудников республиканской полиции, сочинявший под руководством Орлова эту фальшивку, рассказал о своем участии в ее изготовлении Каталонскому телевидению. Но в 1937 году, благодаря, в частности, стараниям Михаила Кольцова, корреспондента «Правды» и тайного представителя Сталина в Испании, она получила широкое распространение[16]. Вслед за советскими и испанскими газетами многие другие газеты мира подхватили обвинение ПОУМ в фашизме.

В самой Барселоне в те дни, как рассказывает Оруэлл, агенты ПСУК распространяли следующую карикатуру: фигура снимает маску с серпом и молотом, а под ней оказывается мерзкая рожа маньяка со свастикой — это ПОУМ. На этом фоне ПОУМ была объявлена зачинщицей барселонских боев.

Дальше все шло по уже отработанной сталинской схеме — поскольку министром юстиции Каталонии был коммунист Коморера, а у анархистов и ПОУМ практически никакого влияния

в правительстве не осталось, коммунистам ничего не стоило провести решение о создании нового «спецтрибунала по делам о шпионаже и измене родине», который предъявил обвинения тысячам человек за участие в «майских событиях». Притом что еще в сентябре в Каталонии были созданы две секретные организации, которые находились под непосредственным контролем НКВД и составляли списки лиц, подлежащих устранению[17], сделать это тоже было несложно. Политических заключенных часто держали вместе с обычными преступниками, но порой направляли и в специальные тайные тюрьмы, и в трудовые лагеря, которые насчитывали до двадцати тысяч человек[18].

Однако одних арестов поумовцев и анархистов коммунистам было недостаточно. ПСУК призывала к полному запрету ПОУМ. Одновременно в Советском Союзе надеялись, что удастся сместить и тогдашнего премьер-министра Испании Ларго Кабальеро, давно опасавшегося коммунистической инфильтрации и пытавшегося ей сопротивляться. 9 мая 1937 года Генеральный секретарь испанской компартии Хосе Диас восклицал: «„Пятая колонна“ разоблачена… теперь ее следует уничтожить. Некоторые из них называют себя троцкистами — это имя замаскировавшихся фашистов, которые пользуются языком революции для того, чтобы породить путаницу. Я спрашиваю: если все это знают, если правительство это знает, почему же с ними не обращаются как с фашистами и не уничтожают их беспощадно?»[19].

15 мая министр-коммунист потребовал, по указанию Москвы, чтобы Кабальеро объявил ПОУМ вне закона и арестовал ее лидеров. Кабальеро отказался, заявив, что не собирается запрещать рабочую партию, не имея никаких доказательств предъявляемых ей обвинений. Кабальеро поддержали анархисты, однако правые социалисты (среди которых был и будущий премьер-министр Хуан Негрин) и либералы готовы были поддерживать коммунистов — отчасти потому, что их привлекало предлагаемое коммунистами усиление центрального правительства, а отчасти потому, что они по-прежнему боялись потерять присылаемое из Москвы оружие.

17 мая Кабальеро вынужден был уйти в отставку и премьер-министром Испании стал давно намечавшийся на этот пост Москвой Хуан Негрин. Одним из первых его распоряжений стал приказ о закрытии газеты ПОУМ «Ля Баталья», и партия лишилась возможности публично отвечать на обвинения. Да и вся ситуация радикально изменилась. Один из руководителей ПОУМ, Хулиан Горкин, писал впоследствии: «Через несколько дней после

формирования правительства Негрина Орлов действовал уже так, как будто считал Испанию страной-сателлитом. Он явился в Генеральное управление безопасности и потребовал у полковника Ортеги, которого уже рассматривал как одного из своих подчиненных, ордера на арест членов Исполнительного комитета ПОУМ»[20].

* * *

Таким оборотом событий — обвинением ПОУМ в фашизме — Оруэлл был потрясен до глубины души.

Он пытался встать на точку зрения коммунистов: ПОУМ выступала за немедленную революцию, что, по мнению коммунистов, было ошибкой. Хорошо, возможна и такая позиция. Коммунисты утверждали, что пропаганда ПОУМ нарушает единство проправительственных сил и тем самым «объективно» мешает выиграть войну — с этим можно спорить, но допустимо. Но потом коммунисты заявили, что ПОУМ ведет к расколу проправительственных сил не потому, что она ошибается, а потому, что таков ее замысел! Поумовцы мешают республике выиграть войну потому, что они просто-напросто замаскировавшиеся фашисты, которым платят Франко и Гитлер.

> И все десятки тысяч рабочих, и в том числе восемь или десять тысяч солдат, мерзнущих в окопах, и сотни иностранцев, приехавших в Испанию сражаться с фашизмом, часто жертвовавших источником дохода или гражданством — все это просто предатели, оплачиваемые фашистами. И это распространяется по всей стране с помощью плакатов и т. п., и повторяется снова и снова в коммунистической и прокоммунистической прессе во всем мире. <…> Вот, стало быть, что про нас говорили: троцкисты, фашисты, предатели, убийцы, трусы, шпионы и так далее. Должен признаться, это было неприятно, особенно если представлять себе тех, кто это говорил. Тяжело было видеть пятнадцатилетнего испанского мальчика, которого несли на носилках, видеть его отрешенное бледное лицо, высовывавшееся из-под одеяла, и думать о всех этих лощеных господах в Лондоне и Париже, которые пишут памфлеты, доказывающие, что этот мальчик — замаскировавшийся фашист[21].

Ощутив трагизм ситуации и понимая, что ПОУМ вот-вот

объявят вне закона, Оруэлл немедленно принял три важных решения. Первое — он сообщил «приятелю-коммунисту», о котором он упоминает в книге «В честь Каталонии», что переходить в коммунистические Интербригады он не собирается. Дело в том, что, и уезжая в отпуск, и в первые дни в Барселоне, Оруэлл был убежден: на Арагонский фронт он уже не вернется. Ему так хотелось попасть в Мадрид, что он даже отказался от мысли идти в близкое ему анархистское ополчение — потому что тогда он мог бы угодить в Теруэль, а стремился только в Интербригады, поскольку именно они воевали на Мадридском фронте. Макнэр, которому очень не хотелось терять Оруэлла и его товарищей, уговорил их подождать с переходом до первомайского празднования. Но как престижно иметь на своей стороне писателя, понимал не только он.

Барселона была наводнена коминтерновскими агентами, пытавшимися склонить иностранных добровольцев к вступлению в Интербригады. Один из них, Уолтер Тапселл, видный британский коммунист, ставил себе в заслугу, что ему удалось переманить Оруэлла (возможно, он и был тем «приятелем-коммунистом», который упоминается в книге «В честь Каталонии»). Во всяком случае, в своем отчете, посланном и в штаб НКВД, расположенный в испанском городе Альбасете, и Гарри Поллиту в Лондон, Тапселл писал:

> Самая заметная личность и самый уважаемый человек в контингенте [Независимой лейбористской партии] в данный момент — Эрик Блэр. Этот человек — Писатель, который написал несколько книг о жизни пролетариата в Англии. Политического чутья у него мало. Партийной политикой не интересуется и приехал в Испанию как антифашист сражаться с фашизмом. Однако в результате своего фронтового опыта он невзлюбил ПОУМ и ждет теперь увольнения из их ополчения. В разговоре 30 апреля Блэр поинтересовался, помешают ли ему связи с ПОУМ записаться в Интербригаду. Он хочет сражаться на Мадридском фронте и заявляет, что через несколько дней, когда оформит увольнение из ПОУМ, официально подаст заявление к нам[22].

Барселонские бои и атака на ПОУМ сделали этот шаг для Оруэлла невозможным. Более того, из естественного чувства справедливости он уже стал жалеть, что в свое время не вступил в ПОУМ. Но в то же время он понял, что перед лицом наступавшего вранья его долг — описать то, что происходило в

действительности, как он это видел. И потому вторым его решением было сразу после прекращения боев — 9 мая 1937 года — послать письмо Виктору Голланцу[23]. Любезно поблагодарив издателя за якобы только что прочитанное его предисловие к «Дороге на Уиган-Пир», — на самом деле, оно дошло до него в марте и понравиться никак не могло, но спорить с Голланцом сейчас было не время, — Оруэлл пообещал представить ему новую книгу, в которой собирается написать правду о войне к началу следующего, 1938 года.

И наконец, третье решение — возвращение на фронт. В Барселоне шли повальные аресты. Уезжать в этот момент из Испании (что, очевидно, было бы самым благоразумным) и оставлять друзей в беде Оруэллу не хотелось. Тучи сгущались и над ним. «Вы все время испытывали омерзительное чувство, что вот сейчас кто-то, кого вы до сих пор считали своим другом, выдает вас тайной полиции»[24], — писал он позже. Чутье Оруэлла не обманывало: к нему, к его жене Айлин, к Джону Макнэру и к Жоржу Коппу был приставлен шпион, направленный Коминтерном. Это был молодой лондонец Дэвид Крук, учившийся в Америке, а затем отправившийся воевать в Испанию (в отличие от Оруэлла, с благословления Гарри Поллита) и в феврале, после ранения на Мадридском фронте, завербованный агентом Коминтерна Жоржем Сориа. Крук проходил подготовку к своим «спецзаданиям» в Альбасете, где размещался штаб НКВД и где его обучал испанскому языку Рамон Меркадер, будущий убийца Троцкого[25].

Приехав в Барселону 27 апреля (на день позже Оруэлла), Дэвид Крук познакомился с общительной Айлин и вскоре стал своим человеком в штабе Независимой лейбористской партии, где Айлин работала секретаршей Джона Макнэра. В обеденный перерыв, когда Макнэр и другие выходили пообедать в кафе «Мока», Крук проникал в пустые комнаты, рылся в столах, брал нужные ему документы, относил их в Советское посольство, где их фотографировали, и клал на место до возвращения Макнэра с друзьями[26]. Кроме того, Крук писал в НКВД, что на до процентов уверен в том, что у Айлин роман с Коппом, который всячески опекал ее в Барселоне — в НКВД его учили, что подобного рода информация дает агентам власть над их жертвами.

Информация передавалась Круком через еще одного лондонца, Хью О’Доннелла, тоже работавшего на Москву и направленного в Барселону непосредственно Гарри Поллитом. И еще одного коммунистического агента, не подозревая о том, привезла чуть позже в Барселону Гвен О’Шоннесси, невестка

Айлин, прибывшая ее навестить, — это был Дэвид Уикс, тоже как будто прибывший в Испанию на помощь республиканскому правительству. Его информация о Блэрах тоже передавалась советской разведке в Альбасете и, очевидно, послужила основой выдвинутого вскоре против них обвинения в измене[27].

Не имея, конечно, никакого представления о конкретных подробностях происходящего, Оруэлл безошибочно ощущал общую атмосферу тех дней:

> Тот, кто был в Барселоне тогда или многие месяцы спустя, никогда не забудет чудовищную обстановку, создаваемую страхом, подозрительностью, ненавистью, подцензурными газетами, переполненными тюрьмами, длиннющими очередями за продуктами и рыскающими по городу вооруженными отрядами[28].

Через три дня после окончания барселонских боев Оруэлл вместе с товарищами по неудавшемуся отпуску отправился обратно на фронт. Но и фронт изменился — вместо Ленинской дивизии они теперь служили просто в 29-й, потому что, как того давно добивались коммунисты, ополчение ПОУМ было включено в общую «Народную армию». Вернулись и воинские чины и звания — Бенжамен Левински, командир Оруэлла, вот-вот должен был стать капитаном, Копп — майором, а сам Оруэлл — лейтенантом. Вернулась и разница в жалованьи, которое получали военные, — на первых порах офицеры, правда, намеревались отдавать свою надбавку в общий котел.

Не успели они доехать до фронта, как их настигло новое ошеломляющее известие — арестовали их фронтового товарища Боба Смилли, внука легендарного шахтера, Роберта Смилли, который уже направлялся в Англию. В тюрьму к нему никого, в том числе и адвоката, не допускали; выяснить, за что он арестован, тоже не представлялось возможным, и тут Оруэлл впервые обнаружил, что в странах, где нет такой привычной и естественной для англичанина вещи, как хабеас корпус[29], человека можно держать в тюрьме не то что без суда, но и без предъявления обвинения неопределенно долго. И хотя говорили, что Боб Смилли арестован за ношение оружия, никто не сомневался, что реальной причиной была его связь с ПОУМ и нежелание коммунистов, чтобы за пределами Испании распространялась какая-то другая версия недавних событий, кроме официальной. Арест этот стал для всех тяжелым ударом. И все-таки ошельмованные и обвиняемые в связях с фашистами поумовцы вернулись на фронт, чтобы продолжать биться с фашизмом. Оруэлл, правда, — ненадолго.

* * *

Часть, в которой он служил, стояла около Уэски — почти там же, где он ее и оставил. На десятый день пребывания Оруэлла на фронте, 20 мая в пять часов утра, пуля фашистского снайпера пробила ему горло — очевидно, при его росте, даже находясь в окопе, он резко выделялся на фоне светлеющего неба — окопы рыли под невысоких испанцев. Чудом он остался жив — пуля прошла в миллиметре от сонной артерии, повредив только голосовые связки и задев нервы на затылке, отчего правая рука оставалась некоторое время парализованной. Описание ранения в книге «В честь Каталонии», так же как описание боя, у Оруэлла бодрое и энергичное, хотя он признается, что первые несколько минут думал, что его убили, а потом испытывал сильнейшую боль, особенно когда его несли на носилках и везли в госпиталь.

24 мая Айлин отправила телеграмму его родителям в Саутволд: «ЭРИК ЛЕГКО РАНЕН БЫСТРО ПОПРАВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДАЕТ ПРИВЕТ БЕСПОКОИТЬСЯ НЕ О ЧЕМ АЙЛИН» Но одновременно она попросила Коппа подробно поговорить с лечащим врачом мужа и описать все симптомы ее брату, крупному врачу, доктору Эрику О'Шоннесси, мнением которого она очень дорожила. Копп послал подробное письмо, отметив мимоходом, что чувство юмора у пациента не пострадало, и присовокупив подробный рисунок раненного горла. Ясно было одно — воевать Оруэлл уже не будет и потому в Испании ему больше делать нечего.

После нескольких переездов из одного госпиталя в другой Оруэлла как выздоравливающего перевели в санаторий «Маурин» под Барселоной, принадлежащий ПОУМ. Там его навещали Айлин и Копп, оттуда 8 июня он написал письмо своему давнему приятелю — еще по начальной школе и по Итону — Сирилу Конноли, тоже ставшему литератором и тоже побывавшему в Испании. В письме Оруэлл сообщал, что намеревается вернуться домой недели через две, как только получит увольнение из армии; что, невзирая на предсказания врачей, все же надеется, что голос его восстановится; что собирается написать книжку о войне и что в Испании он впервые по-настоящему поверил в социализм. Ужас того, что происходило вокруг, заставлял его из-за всех сил держаться за те чувства воодушевления и товарищества, которые он испытал в ополчении.

На следующий день — 9 июня — они с-Айлин отметили первую годовщину свадьбы, а еще через несколько дней Оруэлл отправился собирать бумаги, необходимые для увольнения и последующего отъезда домой. Еще слабому после ранения, ему

пришлось пять дней ездить по госпиталям, разбросанным по Каталонии, на медленных испанских поездах, которые и в лучшее-то время никогда не ходили по расписанию. Измученный, он наконец получил все нужные справки и, вернувшись 20 июня вечером, решил не ехать обратно в пригородный санаторий, а пойти в барселонский отель «Континенталь», где жила Айлин.

Айлин ждала его в фойе. Со светской улыбкой она, небрежно поднявшись с дивана, подошла к мужу, обняла его и прошипела в ухо «Уходи!» Он не понял. Тогда она повела его к выходу. По дороге — на лестнице и у лифта — еще два человека, завидев его, сказали, что нужно немедленно уходить. Он все не понимал. Только выведя его на улицу, Айлин сообщила, что ПОУМ запрещена, ее здания захвачены, и все, кого могли арестовать, — арестованы, а некоторые уже и расстреляны.

Выяснилось, что 15 июня, в день, когда Оруэлл поехал собирать справки, Андреса Нина арестовали прямо у него в кабинете. На следующий день, 16 июня, ПОУМ была объявлена вне закона, а принадлежавшие ей помещения конфискованы (то, что Оруэлл не вернулся в санаторий «Маурин», оказалось большой удачей). Еще через пару дней все сорок членов исполкома партии были в тюрьме, а всего только в одной Барселоне было арестовано не меньше четырехсот поумовцев — на самом деле, размышлял позднее Оруэлл, число их наверняка было гораздо больше. Полиция даже забирала раненых ополченцев из госпиталей. На свободе оставались Джон Макнэр и фронтовые товарищи Оруэлла, бывшие с ним в санатории, Роберт Уильямс и Стаффорд Коттман.

Почти всех остальных знакомых Оруэлла в Барселоне, как рассказывала Айлин, «взяли».

Взяли генерала Хосе Ровира, командовавшего 29-й дивизией. Взяли Гарри Милтона, американца, который нес Оруэлла на носилках, когда того ранили. Взяли Жоржа Коппа. В это Оруэлл никак не мог поверить — он знал, что Копп уехал в Валенсию, где находилось правительство республики. Оказалось, что его друг вернулся накануне и привез из военного министерства письмо полковнику, руководившему техническими операциями на Восточном фронте. Зная, что ПОУМ вне закона, он все же, очевидно, не предполагал, что его арестуют во время исполнения срочного военного задания, и зашел в «Континенталь» за вещами. Айлин в отеле не было, а сотрудники отеля, задержав его какой-то болтовней, быстро вызвали полицию.

Айлин, работавшую в штабе Независимой лейбористской партии, связанной с ПОУМ, не арестовали, очевидно решив использовать ее как «наводку» для последующего ареста не

только ее мужа, но и Макнэра. Тем не менее 18 июня шесть человек в штатском пришли под утро в ее номер с обыском. Обыск длился два часа. Забрали дневники Оруэлла, письма читателей с откликами на «Дорогу на Уиган-Пир», вырезки из газет, все книги. Однако паспорта и чековая книжка, предусмотрительно спрятанные Айлин под матрасом, остались целы, поскольку Айлин во время обыска лежала в постели, и то ли застенчивость, то ли благородство помешали осуществлявшим обыск испанцам потревожить женщину, да к тому же иностранку. Оруэлл узнал позднее, что все его вещи, оставленные в санатории Маурин, тоже были взяты — включая сверток с грязным бельем. Очевидно, шутил он позднее, они думали, что там что-то написано невидимыми чернилами.

Однако пока Айлин рассказывала ему о том, что произошло, ему было не до шуток — похоже было, что нужно скрываться.

> Эта перспектива показалась мне отвратительной. Невзирая на бесчисленные аресты, я никак не мог поверить, что мне грозит опасность… Кому нужно меня арестовывать? Что я сделал? Я даже не был членом партии ПОУМ. Конечно, во время майских событий я был вооружен, но точно так же вооружены были еще примерно сорок или пятьдесят тысяч человек. Кроме того, мне очень хотелось как следует выспаться. Я готов был рискнуть и вернуться в отель. Жена и слышать об этом не хотела. Терпеливо она объясняла мне ситуацию. Неважно, сделал я что-то или нет. Речь идет не об облаве на преступников, а о терроре. Ни в чем конкретном я виновен не был, но я был виновен в «троцкизме». Одно то, что я служил в ополчении ПОУМ, уже было достаточным основанием, чтобы меня посадили. Английское представление о том, что ты в безопасности, покуда не нарушаешь закон, теряло всякий смысл. Здесь законом становилось то, что пришло в голову полиции[30].

Опыт бродяжничества помог Оруэллу найти убежище на ночь в разрушенной церкви. На следующий день, встретившись у Британского консульства с Макнэром, специально вернувшимся из Франции, чтобы не оставлять товарищей в беде, и восемнадцатилетним Стаффордом Коттманом, ускользнувшим из санатория «Маурин», он узнал новые страшные известия. Двадцатидвухлетний Боб Смилли был мертв — позднее объявили, что он умер от аппендицита, что для здорового молодого человека могло означать только одно: ему не оказали никакой

медицинской помощи. Потом стала известна и другая версия: его убили в тюрьме — забили насмерть ударами в живот[31]. Гибель Смилли, «смелого и талантливого мальчика, бросившего университет в Глазго, чтобы сражаться с фашизмом»[32], при таких ужасных обстоятельствах навсегда осталась для Оруэлла самым ярким примером чудовищности происходящего.

В этот же день пришла и весть о гибели Андреса Нина. Как выяснилось позднее, испанская полиция передала лидеров ПОУМ в руки сотрудников НКВД, которые отвезли их в тайную тюрьму в Мадриде. Затем Нина похитили из тюрьмы и еще несколько дней пытали, вынуждая признаться в сотрудничестве с фашистами. Организатором похищения и руководителем пыток был генерал НКВД Александр Орлов, впоследствии автор знаменитой книги «Тайная история сталинских преступлений». Этот эпизод, известный под кодовым названием «Операция Николай», он в своей книге по понятным причинам не описывает. Но в архивах НКВД сохранился его отчет о похищении, написанный 24 июля 1937 года, в котором упоминается его помощник по прозвищу Юзик — Иосиф Григулевич, позже засылавшийся в Мексику для организации убийства Троцкого и в Югославию для убийства Тито.

> Об участниках дела «Николая». Основные участники — это 1) Л. и 2) А. Ф. И. М. был самым косвенным пособником. Когда он приносил кушать в арестное помещение и ему открывали ворота, наши люди прошли во двор… Полтавский должен был вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — Юзика… Он служил мне переводчиком по этому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого мы вывозили объекта… Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного осмотра машин со стороны дорожных патрулей, когда мы вывозили груз[33].

Нин даже и под пыткой отказывался признавать себя виновным в связях с фашистами. Тогда, посоветовавшись с Москвой, Орлов принял решение его убрать. Главу ПОУМ расстреляли на шоссе около Алькала-де-Энарес под Мадридом и зарыли в поле в ста метрах от дороги — об этом тоже свидетельствует направленная в Москву записка, хранящаяся в архиве НКВД[34].

Однако убить Нина сотрудникам НКВД было мало, им надо было еще это скрыть. По одной из версий, они организовали небольшой спектакль, в ходе которого немецкие товарищи из

Интербригад, переодевшись в форму гестаповцев, ворвались на виллу, где пытали Нина, якобы с тем, чтобы прийти ему на помощь. «Улики», подтверждавшие атаку гестаповцев — немецкие документы, фалангистские значки и банкноты франкистов, — были затем разбросаны по дому. Официальная линия компартии, опубликованная в газете «Мундо обреро», гласила, что Нин был освобожден фалангистами и скрывается в Бургосе, где размещался штаб Франко. И под надписями «Где Нин?», тайно появлявшимися на стенах домов, коммунисты еще долго приписывали «Саламанка иль Берлин», намекая на то, что он жив и помогает фашистам[35].

Оруэлла угнетало и то, что известия о запрете партии не сообщались войскам, и ополченцы ПОУМ гибли на фронте от фашистских пуль, притом что газеты в тылу называли их фашистами. С другой стороны, в тылу полиция арестовывала офицеров с важными военными заданиями, не спрашивая на то разрешения у командования армии. Собственно, так был арестован Копп, которого Оруэллу с женой удалось навестить в тюрьме. Копп встретил их в толпе арестованных, где были и раненые, вытащенные из госпиталей, и дети, и бодро сказал: «Нас всех расстреляют». Кроме того, он рассказал им, что письмо из военного министерства, которое он вез на фронт, у него забрали, и теперь оно находится у начальника полиции.

Недолго думая, Оруэлл, оставив жену на свидании с Коппом, выскочил на улицу, схватил такси и помчался к полковнику, которому письмо было адресовано, — в надежде его разыскать и восстановить таким образом репутацию Коппа. Была половина шестого, и, опасаясь, что скоро полковник уйдет, Оруэлл спешил из-за всех сил. После долгих поисков он наконец получил аудиенцию у адъютанта полковника, которому, задыхаясь, еще не полностью восстановившимся голосом, на плохом испанском изложил ситуацию. Терпеливо выслушав его, адъютант спросил, где служил Копп. Оруэллу пришлось ответить: в ополчении ПОУМ, из чего офицер сделал естественный вывод, что и Оруэлл служил там же. В тот момент арест показался Оруэллу неминуемым.

Однако после двадцатиминутного разговора с полковником адъютант направился к начальнику полиции, велев Оруэллу следовать за собой. Разговор с начальником велся за закрытыми дверями на повышенных тонах, но из его кабинета офицер вышел с письмом. Поколебавшись, он пожал Оруэллу руку. Ничего больше сделать он не мог, и никакой роли героический поступок Оруэлла в судьбе Коппа не сыграл. Он оставался в тюрьме еще много месяцев и, как выяснилось позже, подвергался жестоким

пыткам. Некоторое время вместе с ним сидел — и даже присутствовал при визите Блэров — Дэвид Крук, арестованный специально для того, чтобы и в тюрьме продолжать следить за Коппом.

Английское консульство между тем оформило паспорта четверым британцам, и 23 июня Оруэлл с Айлин, Макнэр и Коттман сели в поезд, увозивший их из Испании. В отличие от дороги туда, в декабре 1936 года, когда пограничники-анархисты не хотели впускать тех, кто выглядел слишком буржуазно, на обратном пути только буржуазный вид «британских туристов» спас их от ареста — по поезду беспрестанно шныряли сыщики. «Мы начали как героические защитники демократии, а закончили, тайно выскользнув за границу, когда полиция уже дышала нам в затылок»[36], — с горечью писал Оруэлл другу сразу по приезде.

Выскользнули они вовремя. Первая же газета, попавшаяся им на глаза во Франции, сообщала, несколько поторопившись, об аресте Макнэра. А 13 июля 1937-го, наоборот, запоздавший Барселонский трибунал по делам шпионажа и измены родине сформулировал обвинение Эрику и Айлин Блэр: «Их переписка свидетельствует о том, что они — оголтелые троцкисты… связные между Независимой лейбористской партией и ПОУМ… принимали участие в майских событиях»[37]. Оставшись в Испании, Блэры вряд ли избежали бы расстрела.

На границе с Францией спутники на радостях обнялись и расстались: Макнэр и Коттман поехали прямо домой в Англию, а Оруэлл с женой решили, как давно мечтали, устроить себе небольшой отпуск на море. Они вышли из поезда в первом же от границы приморском городке Баньюль-сюр-Мер и остановились там на три дня. Но отпуск не получился — море было тусклым, штормило, и Испания их не отпускала — мысли об убитых и арестованных товарищах не давали говорить ни о чем ином. Так Оруэлл встретил свой тридцать четвертый день рождения.

Возвращение

«В Испании стало понятно, что можно быть правым и потерпеть поражение, что сила может одолеть дух, что бывают времена, когда мужества недостаточно. Именно этим, без сомнения, объясняется то, что столько людей по всему свету воспринимают драму Испании как личную трагедию»[38]. Эти слова Камю, безусловно, можно отнести к Оруэллу, но для него личной трагедией дело не исчерпывалось. Благодаря цепи случайностей — то, что он оказался в ополчении ПОУМ, а не в Интербригаде, воевал на Арагонском, а не на Мадридском фронте и оказался в Барселоне в дни майских боев и разгрома ПОУМ — Оруэлл воочию увидел в Испании самое страшное явление XX века — тоталитаризм, понял, что задача — его разоблачать, в каком бы обличье он ни выступал и какой бы ложью ни прикрывался, и нашел в себе талант и смелость это сделать.

Противники Оруэлла — а их немало и по сей день — утверждают, что Оруэлл преувеличил и роль маленькой партии ПОУМ, и значение того, что она была подавлена, тогда как гражданская война в Испании была крупнее, сложнее и длилась еще долго после мая 1937 года. Но хотя Оруэлл и сам говорил, что он, как и любой другой, видит только одну сторону, судьба ПОУМ помогла ему разглядеть и причины краха революционных надежд, и механизмы манипулирования человеческим сознанием. Без его каталонского опыта не было бы ни «Скотского хозяйства», ни «1984». После Испании, писал он позднее, он знал, что ему делать.

Возвращаясь поездом в знакомую, зеленую, сонную Англию, с афишами, объявляющими о спортивных матчах и королевских свадьбах, красными автобусами и синими полицейскими[39], он понимал, что ему, в отличие от большинства соотечественников, довелось увидеть прообраз наступающего зла и он должен кричать о нем, предупреждая других, пока оно не настигло их тоже.

Однако первое, с чем он столкнулся по приезде, — это с нежеланием слушать. «Ты не можешь представить себе тот ужас, который происходит в Испании, — писал он другу, едва вернувшись. — Это настоящий террор. Под предлогом борьбы с фашизмом устанавливают фашизм, людей бросают в тюрьмы, буквально, сотнями и держат месяцами без суда, газеты запрещаются. И т. д., и т. п. Но самое омерзительное это то, как освещает все это так называемая антифашистская пресса в Англии»[40].

Еще из Франции он послал телеграмму в самый, как ему казалось, правдивый журнал того времени «Нью стейтсмен энд нейшн» с предложением написать о том, что он увидел в Каталонии. Предложение было принято. Однако через несколько дней, когда статья «Очевидец в Барселоне» была готова, почтенный редактор «Нью стейтсмена», Кингсли Мартин, печатать ее отказался. Как объяснял Оруэлл в письме другу, отказался именно потому, что в ней описывался разгром ПОУМ. «Чтобы подсластить пилюлю, — продолжал Оруэлл, — они послали мне на рецензию очень хорошую недавно вышедшую книжку „Испанская арена“, которая без дураков описывает то, что там происходило, и опять — рецензию не напечатали… но предложили за нее заплатить, просто, чтобы я заткнулся!»[41].

Отказ печатать статью прозвучал по телефону, но относительно рецензии Кингсли Мартин 29 июля 1937 года написал Оруэллу письмо. Начиналось оно так:

> Дорогой мистер Оруэлл! К сожалению, мы не сможем использовать Вашу рецензию на «Испанскую арену». Причина в том, что она слишком уж противоречит политическому направлению нашего журнала. Она написана очень бескомпромиссно и, по сути дела, опровергает все сообщения наших испанских корреспондентов[42].

Оруэлл был взбешен. Он понимал, что ложь, распространяемая коммунистами в Испании, проникла и в Англию, но надеялся, что здесь, по крайней мере, ее можно будет оспорить. Одновременно с отказом Кингсли Мартина он получил отказ и от своего издателя Виктора Голланца, связанного с ним контрактом — правда, только на художественные произведения. Начав сразу по приезде работать над книгой «В честь Каталонии», Оруэлл в первую же субботу позвонил в издательство, пытаясь выяснить, готов ли Голланц, которого он предупредил о своих планах еще из Испании, ее печатать. Голланца на месте не оказалось, он поговорил с его коллегой. В ближайший понедельник, 5 июля, узнав от коллеги в чем дело и даже не сочтя нужным разговаривать с Оруэллом, Голланц написал ему, что книгу публиковать не будет, поскольку боится, что «она повредит борьбе с фашизмом».

Это была господствующая среди британских левых точка зрения. Голланц, по крайней мере, был связан с коммунистами, но даже те, кто не имел к ним никакого отношения, все равно постоянно опасались, что правда о коммунистах или о Советском Союзе неминуемо будет «лить воду на мельницу врага».

Британская пресса в основном была профранкистской, и левым казалось, что любые выступления против коммунистов — на руку фашистам, поэтому, чтобы не подвести республиканское правительство, лучше помалкивать.

Оруэлл эту логику не принимал и в многочисленных статьях и рецензиях, которые все-таки были опубликованы, хоть и в менее престижных изданиях, чем «Нью стейтсмен энд нейшн», высказывался так резко, как только мог. Вот что он писал летом 1937 года:

> Вот самое главное, что выяснилось в результате всей этой истории: сегодня коммунистическая партия (вероятно по соображениям русской внешней политики) — контрреволюционная сила. Вместо того чтобы влиять на испанское правительство, пытаясь сдвинуть его влево, коммунисты резко подтолкнули его к правым… А между тем общественное мнение по всей Европе по-прежнему считает коммунистов либо красными злодеями, либо героическими революционерами — смотря по убеждениям[43].
>
> Столкнувшись с иностранными пособниками Франко, они [республиканское правительство] вынуждены были обратиться за помощью к России, и, хотя количество оружия, поставляемого русскими, сильно преувеличено… самый факт этих поставок привел коммунистов к власти.
>
> Русские… не только получали деньги за свое оружие, но и ставили условия. В самом общем виде условия эти звучали так: «Задушите революцию, а то не получите вооружений»… Коммунисты, конечно, отрицают, что русское правительство оказывает на них какое-то давление. Но это, даже если б было правдой, никакой роли не играет, поскольку можно не сомневаться — все компартии всех стран выражают позицию русского правительства.
>
> В конце концов, нас ждет режим, в котором все оппозиционные партии и газеты будут запрещены, а всякий сколько-нибудь значительный диссидент окажется в тюрьме. Разумеется такой режим будет фашистским. Он будет не таким, как фашистский режим Франко, он будет лучше, чем у Франко, — даже до такой

степени лучше, что за него будет иметь смысл сражаться, — но это будет фашистский режим. Но поскольку его установят либералы и коммунисты, называться он будет иначе[44].

* * *

Помимо многочисленных статей и рецензий Оруэлл лихорадочно писал «В честь Каталонии». Как он объяснял позднее в статье «Зачем я пишу», написать эту книгу его заставила ярость, оттого что невинных людей оболгали[45]. На самом деле, его книга — гораздо больше, чем политический памфлет. Как хорошо понимал сам автор, «она содержит много такого, что настоящим политикам покажется совершенно несущественным. Я не могу да и не хочу отказываться от взгляда на мир, обретенного мной в детстве. Покуда я жив, меня волнует слог и стиль прозы, я люблю земную поверхность и наслаждаюсь разными вещами и обрывками бесполезной информации… Моя книга о гражданской войне в Испании, „В честь Каталонии“, — конечно, откровенно политическая книга, но и она, по большей части, написана с определенным отстранением и вниманием к форме»[46].

Именно начиная с этой книги Оруэлл и сделал, как намеревался, «политическую прозу искусством»[47]. Но отличается «В честь Каталонии» и от «Скотского хозяйства», и от «1984» тем, что в ней, как ни странно, есть и оптимизм, и надежда. «Удивительным образом все происшедшее оставило во мне не меньше, а только больше веры в порядочность человеческих существ»[48], — пишет Оруэлл на предпоследней странице своей книги. Отчасти это радостное чувство связано, конечно, с тем, что в Испании он был среди единомышленников, объединенных сознанием, что они выступают на стороне добра и борются со злом. Счастлив он был и тем, что люди, окружавшие его, относились к нему как к равному — с таким же уважением, но без всякой сервильности, с каким он относился к ним. Но он видел в этом и политический смысл:

> Здесь, на Арагонском фронте, ты находился среди десятков тысяч людей по большей части, хотя и не только, рабочего происхождения, живущих на одном уровне и общающихся между собой на основе равенства… В некотором смысле можно сказать, что это было предчувствие социализма… Многие из обычных мотивов жизни в цивилизованном обществе — снобизм,

жажда наживы, страх перед начальством и т. д. — просто перестали существовать… Ты был в обществе, где надежда встречалась чаще, чем апатия или цинизм, где слово «товарищ» означало товарищество, а не было обманом, как во многих странах. Ты дышал воздухом равенства.

Я знаю, сейчас принято отрицать, что социализм имеет какое-то отношение к равенству. Во всех странах мира существует огромное племя аппаратчиков и аккуратных профессоришек, которые «доказывают», что социализм — это ничто иное, как государственный капитализм с системой планирования, при том что человеческий инстинкт наживы остается тем же самым, что и всегда. Но, к счастью, существует и другое видение социализма.

То, что влечет к социализму обычного человека и заставляет его ради него жертвовать своей шкурой — это идея равенства. В этом и заключается «загадка» социализма. Социализм — для подавляющего большинства людей — означает бесклассовое общество[49].

Похоже, что такое понимание социализма оставалось у Оруэлла до самого конца. «Каждая строчка серьезных работ, написанных мною с 1936 года, направлена прямо или косвенно против тоталитаризма и за демократический социализм, как я его понимаю»[50], — писал он в 1946 году. Оговорка, «как я его понимаю», свидетельствует о том, что Оруэлл продолжал надеяться на возможность какого-то другого социализма — не такого, какой был в Советском Союзе или описан им самим в «1984», где «Ангсоц» — «английский социализм» — является идеологией тоталитарного государства.

* * *

Летом 1937 года Оруэлл неожиданным образом столкнулся и с «реальным» — советским — социализмом. Как рассказывает в своей статье «Английский писатель в стране большевиков» Арлен Блюм[51], 31 мая 1937 года главный редактор журнала «Интернациональная литература», знаток западноевропейской литературы, шекспировед Сергей Динамов отправил Оруэллу письмо с просьбой прислать в Москву роман «Дорога на Уиган-Пир», по рецензиям показавшийся ему интересным. В архивах

Блюм обнаружил перевод ответного письма Оруэлла, написанного в первую же неделю по возвращении из Испании:

2 ИЮЛЯ 1937

Дорогой товарищ,

простите, что не ответил ранее на Ваше письмо от 31 мая. Я только что вернулся из Испании, а мою корреспонденцию сохраняли для меня здесь, что оказалось весьма удачным, так как в противном случае она могла бы потеряться (то есть, имеет в виду Оруэлл, исчезнуть при обыске в Барселоне, как исчезли другие отклики читателей. — М. К.). Отдельно посылаю Вам экземпляр «Дороги на Уиган-Пир». Надеюсь, что Вас могут заинтересовать некоторые части книги. Я должен признаться Вам, что в некоторых местах второй половины романа речь идет о вещах, которые за пределами Англии могут показаться несущественными. Они занимали меня, когда я писал эту книгу, но опыт, который я приобрел в Испании, заставил меня пересмотреть многие мои взгляды.

Я до сих пор еще не вполне оправился от ранения, полученного в Испании, но, когда я смогу взяться за работу, я попытаюсь написать что-нибудь для Вас, как Вы предлагали в предыдущем письме. Однако я хотел бы быть с Вами откровенным, а потому я должен сообщить Вам, что в Испании я служил в ПОУМ, которая, как Вы, несомненно, знаете, подверглась яростным нападкам со стороны Коммунистической партии и была недавно запрещена правительством; помимо того, скажу, что после того, что я видел, я более согласен с политикой ПОУМ, нежели с политикой Коммунистической партии. Я говорю Вам об этом, поскольку может оказаться, что Ваш журнал не захочет помещать публикации члена ПОУМ, а я не хочу представлять себя в ложном свете.

Наверху найдете мой постоянный адрес.

Братски Ваш

Джордж Оруэлл.

Естественно, что, получив такое письмо (в июле 1937 года!), редакции ничего не оставалось, кроме как обратиться в НКВД:

28 ИЮЛЯ 1937 г.

В Иностранный отдел НКВД

Редакция журнала «Интернациональная литература» получила письмо из Англии от писателя Джорджа

Оруэлла, которое в переводе направляю к сведению в связи с тем, что из ответа этого писателя выявилась его принадлежность к троцкистской организации «ПОУМ».

Прошу Вашего указания, нужно ли вообще что-либо отвечать Оруэллу и если да, то в каком духе?

P. S. Напоминаю, что я до сих пор не получил ответа на пересланное Вам письмо Р. Роллана.

Редактор журнала «Интернациональная литература» (*Т. Рокотов*[52]).

Помимо этих двух писем в архиве сохранился и черновик ответа редакции, набросанный по-русски на старом листке отрывного календаря.

Мистер Джордж Оруэлл,

редакция журнала «Интернациональная литература» получила Ваше письмо, в котором Вы отвечаете на п/ письмо (очевидно, прошлое или предыдущее. — *Арлен Блюм*) от 31 мая. Характерно, что Вы откровенно поставили нас в известность о своих связях с ПОУМ. Вы этим правильно предполагали, <что> наш журнал не может иметь никаких отношений с членами ПОУМ, этой организацией, как это подтверждено всем опытом борьбы испанского народа против интервентов, <являющейся> одним из отрядов «Пятой колонны» Франко, действующей в тылу Республиканской Испании[53].

Перевод этого слегка подправленного письма датирован 25 августа и хранится в оруэлловском архиве[54]. В переводе сказано: «Вы правы, что были откровенны с нами, Вы правы, что поставили нас в известность…» Но редактор, написавший «характерно» — хоть и случайно, но не ошибся. Честность — самая характерная черта Оруэлла, и, разумеется, представив себе ситуацию в журнале, он решил не «подставлять» обратившегося к нему человека.

Больше никаких контактов между Оруэллом и «Интернациональной литературой» не было, тем более что писавший ему в мае 1937 года Сергей Динамов был в сентябре 38-го арестован и в апреле 39-го расстрелян.

* * *

Британские коммунисты, разумеется, не могли действовать так просто и четко, как их советские товарищи, но они не

собирались оставлять появляющиеся в печати резкие нападки Оруэлла без ответа. Опровергать его суждения по существу им было не под силу, но зато они принялись атаковать его лично, надеясь, как предполагал Оруэлл, дискредитировать его настолько, чтобы подорвать доверие к книге об Испании, над которой он работал[55].

Направление было задано, как и положено, руководителем: Гарри Поллит еще в мартовской рецензии на «Дорогу на Уиган-Пир» со свойственной ему враждебностью к Оруэллу написал: «Главное, что беспокоит мистера Оруэлла, это то, как „пахнет“ рабочий класс — запахи вообще играют в его книге большую роль»[56]. После этой рецензии обвинять Оруэлла в презрении к рабочему классу стало общим местом, и 20 августа 1937 года Оруэлл счел нужным послать своему издателю, Голланцу, вырезку из коммунистической газеты «Дейли уоркер», сопроводив ее следующим письмом:

> Это — подчеркнутые слова — третье, по-моему, утверждение в «Дейли уоркер», что я якобы сказал, что рабочие «дурно пахнут». Как вам известно, я никогда не говорил ничего подобного, а, напротив, сказал нечто противоположное. Как вы, может быть, помните, в восьмой главе «Уиган-Пира» я сказал, что среднему классу с детства внушают, что рабочие «дурно пахнут». Мои слова — констатация общеизвестного факта, не более того. Во многих письмах, полученных мною от читателей, эту фразу упоминали, поздравляя меня с тем, что я обратил внимание на это явление. Утверждение или намек, что я сам считаю, будто рабочие «дурно пахнут», — намеренная ложь, рассчитанная на людей, которые не читали ни этой, ни других моих книг, для того, чтобы объяснить им, что я просто заурядный сноб, и таким образом задеть и политические партии, с которыми я связан. Нападки на «Уиган-Пир» в «Дейли уоркер» начались только после того, как Коммунистической партии стало известно, что я служил в ополчении ПОУМ[57].

Дальше Оруэлл говорит, что Голланцу как издателю книги сподручней обратиться в редакцию газеты, чтобы восстановить истину и предупредить ее сотрудников, что при еще одном упоминании о «запахе» рабочего класса он опубликует подробный ответ со всеми цитатами, да к тому же сообщит читателям, что на эту тему сказал Джон Стрэчи (коллега Голланца по редколлегии «Книжного клуба Левых»), провожая его в Испанию, в двадцатых

числах декабря 1936 года. Коммунистической партии неприятно будет увидеть это в печати, пригрозил он.

В этом же письме Оруэлл рассказывает Голланцу о преследовании своего фронтового товарища, восемнадцатилетнего Стаффорда Коттмана — того самого, который вместе с Блэрами и Макнэром возвращался из Испании. Коттман до отъезда на войну вступил в британскую Лигу коммунистической молодежи, а когда вернулся домой в Бристоль, местные «комсомольцы» устроили вокруг его дома пикет со знаменами, обвиняя его как бойца ПОУМ в том, что он — «враг рабочего класса». Из «комсомола» Коттман был по возвращении исключен, что, отмечает Оруэлл в письме к Голланцу со свойственной ему скрупулезностью, возможно и оправдано, раз позиции ПОУМ и Компартии настолько расходятся, но его обвинили еще и в том, что он — «на содержании у Франко».

Я, снова пригрозил Оруэлл, собираюсь обращаться к адвокату, поскольку и меня ведь могут обвинить в том, что я на содержании у Франко, так что, если Вам случится говорить с тамошними начальниками, передайте им, пожалуйста, что, если до этого дело дойдет, я без колебаний подам в суд за клевету.

Для убедительности он привел еще одну цитату из «Дейли уоркер», где уже содержался намек, что он «недостаточно вкладывался» в борьбу с фашизмом. «Отсюда, — заключает Оруэлл, — всего один шаг до того, чтобы назвать меня трусом, саботажником и т. п. — и я не сомневаюсь, что эти люди не преминут это сделать, если будут думать, будто им это сойдет с рук»[58].

Расчет Оруэлла, вряд ли собиравшегося на самом деле обращаться в суд, был абсолютно правильным — Голланц немедленно переслал его письмо Гарри Поллиту и нападки лично на него, во всяком случае, на тот момент стихли. Но газета «Дейли уоркер» придумала другую тактику.

* * *

14 сентября 1937 года газета опубликовала статью своего корреспондента Сэма Лессера, основанную на беседе с однополчанином Оруэлла, членом отряда Независимой лейбористской партии, Фрэнком Фрэнкфордом. Фрэнкфорд, по словам газеты, утверждал, что ПОУМ и особенно командир центурии Жорж Копп тайно помогали фашистам на Арагонском фронте и получали от них оружие, чтобы организовать мятеж в

Барселоне. «Дейли уоркер» ссылалась на испанскую прессу и цитировала Фрэнкфорда, который, якобы, сказал: «Каждый вечер, около одиннадцати, часовые слышали, что едет подвода, и по свету могли определить, что она движется между нашим левым флангом и фашистами. У нас был приказ никогда в этот свет не стрелять… Около Уэски мы однажды видели, как командир Копп возвращается с фашистских позиций».

Через два дня, однако, «Дейли уоркер» напечатала исправления, которые просил внести Фрэнкфорд: сейчас уже «он не был *уверен*, что подводы действительно пересекали линию фронта, и *сам* он не видел, как Копп возвращается с фашистских позиций».

Газета, однако, умолчала о том, что Фрэнкфорд был арестован в Барселоне за попытку продать картины, украденные из музеев и церквей, и освобожден с помощью английского посредника — скорее всего, того самого Сэма Лессера, который написал о нем статью, — в обмен на то, что подпишет рассказ, порочащий ПОУМ. Позднее, по свидетельству Феннера Брокуэя, лидера Независимой лейбористской партии, «мальчик» (Фрэнкфорду было тогда 24 года) приходил В лондонскую штаб-квартиру НЛП каяться в содеянном и просить прощения.

Ничего об этом не зная, Оруэлл в статье «Загадочная подвода», опубликованной 24 сентября в газете «Нью лидер» и подписанной еще четырнадцатью находящимися в тот момент в Англии членами британского отряда ПОУМ, написал: «Совершенно ясно, что эти безумные утверждения… вложили в уста Фрэнкфорда барселонские журналисты, а он, чтобы спасти свою шкуру, их подтвердил»[59].

Как ни печально, Фрэнкфорд повторил свои обвинения против ПОУМ и Коппа в интервью биографу Оруэлла, Бернарду Крику 42 года спустя — в 1979 году. Правда, еще через несколько лет, в 1983-м, в телевизионной передаче «Арена», посвященной Оруэллу, он заявил, что вообще ничего не помнит о публикации в «Дейли уоркер». А в 1998-м на вопрос, справедливо ли он обвинял ПОУМ в фашизме, он отвечал, что не знает[60]. Что, однако, он утверждал всегда, и не колеблясь: Оруэлл никогда ему не нравился, поскольку «он презирал рабочих и заявлял, что они дурно пахнут»[61].

* * *

Читая в «Дейли уоркер» заявления Фрэнкфорда: «Если бы я не был настолько политически отсталым, я не позволил бы завести

себя так далеко. Но в мае мое невежество было столь глубоким, что я совершил преступление, приняв участие в фашистском вооруженном мятеже против антифашистского правительства»[62], Оруэлл не мог не вспоминать покаянные речи советских показательных процессов и не ужасаться тому, что те же самые слова произносит его соотечественник.

Помимо всего прочего, испанский опыт открыл Оруэллу глаза на то, что ложь — это не только орудие пропаганды, но и способ манипулирования сознанием, основа искажения истории и вообще форма существования тоталитарного режима. Как человек скрупулезной честности он болезненно пережил это открытие:

> Я еще в детстве заметил, что никакой газетный репортаж не в состоянии отразить событие достоверно, но в Испании впервые в жизни я увидел репортажи, которые вообще не имели никакого отношения к фактам, даже того отношения, которое существует в обыкновенной лжи. Я читал статьи о великих битвах там, где в помине не было никаких сражений, и сталкивался с полным молчанием там, где убивали сотни людей. Я видел смело сражавшихся солдат, которых поносили как трусов и предателей, и других, не слыхавших и выстрела, которых превозносили как героев воображаемых побед… Я видел, как история пишется не о том, что случилось, а о том, что должно было бы случиться в соответствии с той или иной «линией партии»[63].

Это из эссе 1943 года «Оглядываясь на испанскую войну». Развивая эту мысль, он там же обозначает принципы тоталитарного общества, уже знакомого по Советскому Союзу, которое он опишет через несколько лет в своем главном романе:

Предполагаемой целью такого подхода является кошмарный мир, в котором «Вождь», или какая-нибудь правящая клика, властвует не только над будущим, но и над прошлым. И если Вождь говорит про какое-то событие «этого никогда не было» — значит, этого никогда не было. Если он говорит, что дважды два — пять, значит, дважды два — пять. Эта перспектива пугает меня больше, чем бомбы, а после нашего опыта последних нескольких лет — это не пустые слова[64].

Книга «В честь Каталонии» была закончена в срок — к середине января 1938 года и в апреле напечатана издательством «Секкер и Уорбург». Ее выход отметили несколько очень хвалебных рецензий, но в целом эта, несомненно, одна из лучших книг Оруэлла, никакого коммерческого успеха при его жизни не имела — за двенадцать лет было продано всего 600 экземпляров.

Возможно, причина была в том, что события в Каталонии потонули в потоке других судьбоносных исторических событий — оккупация Гитлером Чехословакии, пакт Молотова — Риббентропа, Вторая мировая война. А то, что в книге Оруэлла запечатлелся личный опыт человека, пытающегося осознать основные катаклизмы века, осталось незамеченным и открылось только после успеха «Скотского хозяйства» и «1984».

Сам же Оруэлл, выполнив поставленную перед собой задачу, тяжело заболел. Всегдашнее пренебрежение своим здоровьем, усугубленное мучительными условиями жизни на фронте, раной и непрестанной работой, привели к сильному кровохарканью, которое объяснили разрывом старого легочного шрама. Следующие полгода Оруэллу пришлось провести в санатории, а потом — на деньги неизвестного благотворителя — еще и полгода в Марокко.

notes

Примечания

1

George Orwell. Homage to Catalonia — Penguin Books, 1985. — P. 48.

2

Antony Beever. The Battle for Spain. The Spain Civil War 1936–1939. — Phoenix, 2006. — P. 209.

3

Там же. P. 169.

4

Стефан Куртуа и Жан-Луи Панне. Тень НКВД над Испанией // Черная книга коммунизма / Под ред. А. Н. Яковлева. http://blackrotbook.narod. ru/pages/zz.htm — С. 316.

5

Там же.

Там же. С. 318.

Там же. С. 320.

Там же. С. 321.

Gordon Bowker. George Orwell. — Abacus, 2004. — P. 212.

10

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 114.

11

Жорж Копп (1902, Петербург — 1951, Марсель). Один из главных героев книги «В честь Каталонии». Выдавал себя за бельгийца, хотя приехал в Бельгию из России в возрасте 10 лет.

12

Там же. P. 125.

13

А. М. Орлов (1895, Бобруйск — 1973, Кливленд, США) — советский разведчик, майор госбезопасности (1935), резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании (1937–1938).

14

РГАСПИ 495/120/261, с. 6.— Цит по: Antony Beevor. The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936–1939. — P. 300.

15

М. Кольцов. Испания в огне. — Т. 2. — М., 1987. — Цит по: В. З. Роговин. Была ли альтернатива? — Т. 4., гл. 53. Барселонский мятеж. — http://web.mit.edu/people/fjk/Rogovin/volume4/xliii.html

16

В. З. Роговин. Была ли альтернатива? Том 4, гл. 53. Барселонский мятеж.

17

Стефан Куртуа и Жан-Луи Панне. Тень НКВД над Испанией. — С. 319.

18

Antony Beevor. The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936–1939.— P. 301.

19

Там же. P. 302.

20

Julian Gorkin. Les Communistes contre la révolution espagnole. — Paris: Belfond, 1978. P. 205. — Цит по: Стефан Куртуа и Жан-Луи Панне. Тень НКВД над Испанией. — С. 322.

21

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 63–64.

22

Walter Tapsell. Report on ILP contingent. — Barcelona: Marx Memorial Library 1937. — Цит. по: Gordon Bowker. George Orwell. — P. 216–217.

23

Виктор Голланц (1893–1967) — английский издатель, создатель «Книжного клуба левых», опубликовавший «Дорогу на Уиган-Пир» Оруэлла.

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 141.

25

Gordon Bowker. George Orwell. — P. 213.

Там же. P. 216, 219.

27

Там же. P. 213, 219–220.

28

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 142.

29

Хабеас корпус — гарантия личной свободы. Понятие английского права, которое постоянно применялось с XV в.

Там же. P. 201.

31

George Kopp. Account of events related to my discovery of a file containing various documents on Bob Smillie's case. Greenwich, 30t January 1939, Orwell Archive. — Цит по: Gordon Bowker. George Orwell. — P. 223–224.

32

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 206.

33

Иосиф Григулевич. Биография с сайта http://www.agenturaru/culture 007/art/lit/grig/kolpak/

34

Там же.

35

Antony Beevor. The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936–1939.— P. 305.

36

George Orwell. Letter to Rayner Heppenstall. CEJL (The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell / Edited by Sonia Orwell and Ian Angus. In 4 volumes. — London: Seeker & Warburg. — Volume 1. — P. 279.

37

Документ впервые опубликован в переводе с испанского на английский в Victor Alba and Stephen Schwartz, Spanish Marxism Versus Soviet Communism: A History of POUM. — New York: Transaction Books, 1988. Цит по: Gordon Bowker. George Orwell. — P. 227.

38

Albert Camus // Frederic Benson. Writers in Arms: The Literary Impact of the Spanish Civil War (New York, 1967). — Цит по: Jeffrey Meyers. Orwell. Wintry Conscience of a Generation. — New York/ London: W. W. Norton & Company, 2000. — P 170.

39

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 221.

40

Letter to Geoffrey Gorer. — CEJL. — Volume 1. — P. 281.

41

Letter to Rayner Heppenstall. — CEJL. — Volume 1. — P. 279.

42

Copy in Orwell Archive. — Цит. no: Bernard Crick. George Orwell. A Life. — Penguin Books, 1982. — P. 341.

43

Review of The Spanish Cockpit by Franz Borkenau, Volunteer in Spain by John Sommerfield. — CEJL. — Volume 1. — P. 277.

44

Spilling the Spanish Beans. — CEJL. — Volume 1. — P. 272, 273, 275.

George Orwell. Why I Write // http://orwell.ru/library/essays/wiw/english/e_wiw

Там же.

47

Там же.

George Orwell. Homage to Catalonia — P. 220.

Там же. P. 102.

50

George Orwell. Why I Write.

51

Арлен Блюм. Английский писатель в стране большевиков // Звезда, 2003, № 6.

52

РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1397. On. 1. Д. 867. Л. 29.

53

Там же. Оп. 5. Д. 46.

54

Orwell Archive // Bernard Crick. George Orwell. A Life. — P. 346.

55

Letter to Leonard Moore. — Цит по: Michael Shelden. Orwell. The Authorised Biography. — Politico's, 2006. — P. 310.

56

«Daily Worker» 17 марта 1937 года, — Цит no: Bernard Crick. George Orwell. A Life. — P. 343.

57

Архив Издательства Виктора Голланца. — Цит по: Bernard Crick. George Orwell. A Life. — P. 344.

Там же. P. 345.

59

Jeffrey Meyers. Orwell. Wintry Conscience of a Generation. — P. 331–333.

Там же. P. 335.

Frank Frankford //Arena, BBC. — 4. 3. — 1984.

62

«Daily Worker» 17 марта 1937 года. — Цит no: Bernard Crick. George Orwell. A Life. — P. 347.

63

George Orwell. Looking Back on the Spanish War. — Penguin Books, 1985.— P. 234.

Там же. P. 236.